

латинов“¹, в котором доказывал невозможность объединения православной церкви с католической.

Интерес Ф. Карпова к идее соединения церквей был своеобразным проявлением оппозиционности к существующему строю. Ведь иосифянская церковь, только недавно освободившаяся из-под опеки византийской церкви, ни в коем случае не могла благосклонно относиться к идее соединения церквей да еще под главенством католической церкви, и, следовательно, эта идея не могла быть одобрена и центральной властью.

В немногих сохранившихся своих произведениях Ф. Карпов выступает перед нами как человек с пытливым, беспокойным и ищущим умом. Он пытался освободиться от нерушимых церковных догм, проникнуть в самую суть явлений. Ему была чужда религиозная схоластика. В этом отношении особенно интересно его обращение к Максиму Греку по поводу встреченных им противоречий в Библии. Карпов пытается добиться разрешения своих сомнений: „... аз же ныне изнемогаю умом, в глубину впад сомнения, прошу и мил ся дею, да ми некая целебная присиплещи и мысль мою успокоиши“.² И далее: „не премолчит бо во мне многоопытный мой помysel, хоцет ведати, ему же несть господин, и тшится найти, его же несть изгубил, мыслит чести, его же несть учил, хоцет победити, ему же несть победил“.³

Критическое отношение Ф. Карпова к религиозной догме, его пытливость и постоянные искания были средством борьбы с религиозной схоластикой официальной церкви.

Против астрологических воззрений Ф. Карпова направлен ряд сочинений Максима Грека. Но, выступая против заблуждений Карпова, Максим Грек остается высокого мнения о нем, о его уме и способностях. Это видно и по тону его посланий и по обращению к Ф. Карпову. Он пишет, что астрологические взгляды не достойны „благочестию и разуму твоему“,⁴ называет Ф. Карпова „честнейшим Феодором“,⁵ „мудрейшим Феодором“⁶ и т. д. и особо подчеркивает, что выступает не вообще против „приобщения к наказанию словесных учений, украшающих божия человека, а лишь от излишних и заповеданных священными правилами и отлучающих убо верные помыслы от веры и от упования яже от бога“.⁷

Все это свидетельствует о том, что между Ф. Карповым и Максимом Греком существовали не только внешние, но и глубокие идейные связи, на которые не могли повлиять даже разногласия в вопросах об отношении к религиозной догме.

Из произведений Максима Грека мы узнаем еще о двух увлечениях Ф. Карпова — медициной и философией, но источники не дают нам возможности выяснить, в чем проявлялся интерес Карпова к этим наукам. Кроме того, читая произведения Ф. Карпова, можно установить следы знакомства его с отдельными произведениями античной литературы. Так, в „Послании митрополиту Даниилу“ он цитирует Аристотеля и дает дословный перевод двух стихов из „Метаморфоз“

¹ Сочинения преп. Максима Грека, ч. I, XII — XIII слова.

² Там же, ч. III, 1897, стр. 222.

³ Там же, стр. 222—223.

⁴ Там же, ч. I, стр. 278.

⁵ Там же, стр. 186.

⁶ Там же, стр. 205, 207.

⁷ Там же, стр. 298.